

Сухбат Афлатуни. Дождь в разрезе. М.: РИПОЛ классик, 2017. 502 с.

На обложке — крупно: СУХБАТ АФЛАТУНИ. Мелким шрифтом — Евгений Абдуллаев. В предисловии автор поясняет, что как стихотворцу и прозаику ему удобнее работать в маске («Афлатуни» — маска), но критику пишет без маски: «...вхожу на жесткий ветер литературной полемики с голым лицом» (с. 10). При всей полемичности книга написана легко, непринужденно. Вопреки холодному светло-фиолетовому тону обложки — с серым раскрытым зонтом в окружении сверхкрупных капель серого же дождя, книга о современной русской поэзии, ее тенденциях, проблемах, перспективах производит теплое и яркое впечатление.

Это была замечательная мысль — собрать статьи, заметки, обзоры, посвященные поэзии последнего десятилетия. Специалисты и интересующиеся современной поэзией могли следить за публикациями в «Арионе», «Вопросах литературы», «Дружбе народов», «Знамени», «Новом мире». Для тех, кто не всегда и не везде успевал, автор отредактировал избранное. Без долгого ожидания следующего номера эффект чтения иной — с цельным восприятием. Хороши ретроспективные примечания в сносках — из 2016 года.

Первая часть — «Поэзия действительности»: цикл статей, печатавшихся в «Арионе». Бренд узнаваем: А. Алехин умеет оставить индивидуальность пишущих для него авторов, сведя до минимума стереотипность общепринятых повествовательных моделей.

В «Поэзии действительности» — один из принципиальных для Е. Абдуллаева посылов — «о воле к прорыву, о воле к выходу из тех сумерек “литературности” <...> “поэтичности”, в которые погружают себя поэты» (с. 14). Осознание платоновской Пещеры и приближение к действительности начинается с преодоления графомании — пародийно-подражательного текста — «текста-тени». Далее — преодоление «филологической» поэзии — профессионально-подражательного текста — «текста-отражения». Бесконечно труден этот путь — к созерцанию если не «при свете солнца», то хотя бы «при сумеречном свете»... Цикл производит впечатление при первом чтении, и его актуальность сохраняется.

Во вторую часть — «Книги и авторы» — вошли ежегодные обзоры семи поэтических сборников в «Дружбе народов» (2011—2016). Часть третья — «Поэтический прогресс» — объединила отдельные статьи о соотношении поэзии и прозы, поэтической жизни и поэтической критики.

Свою принадлежность к традиции автор зафиксировал в предисловии: «...это традиция русской философской критики. Идет она от московских любомудров 1820-х и переживает свой второй расцвет в первой трети прошлого века. Вяч. Иванов, Белый, Степун, Ман-

дельштам, ранний Зелинский <...> Из ныне здравствующих представителей философской критики — прежде всего, Ирина Роднянская» (с. 9). Е. Абдуллаев оговаривает, что речь идет не о приверженности какому-то философскому направлению. «Это попытка синтеза различных частных подходов и практик: филологических, социологических, публицистических... Понимание их ограниченности, попытка выхода за их пределы» (с. 10). Ему это удается.

Автор критичен. В примечаниях 2016 года — не менее, чем при изначальном написании текста, например: «Есть такая системная беда в поэтических сборниках “НЛО”: длинные зевотные предисловия. Даже Данила Давыдов — до этого ясно и точно написавший о Кучерявкине в “Арионе” (2014, № 1), выдал похлебку из глубокомысленных фраз, вроде: “В среде иных актантов субъект Кучерявкина столь же случаен и столь же естественен, как и все прочие”» (с. 277). Мысли самого Е. Абдуллаева глубинны, замечания — «не в бровь, а в глаз». На комплименты важно не купиться. Они способны обрадовать, только если он не договорит — не покажет изнанку... «Редкий, кстати, для “НЛО” случай, когда обсуждение прошло в живом критическом — а не в обычном апологетическом или теплохладно-академическом — ключе» (с. 417).

Что демонстрирует сам автор? «Резкий, охлажденный ум» философа. Мастерское владение юмором, иронией, самоиронией, сатирой. Раскованность, свободу письма. Парадоксальность («Так рифмовал бы Гоголь, если бы он был ранним Пушкиным», с. 212). Терапевтический эффект. Тому, кто склонен к печальному восприятию действительности, он способен помочь научиться смотреть на квазиреальность не саморазрушительно. Скажем, какие чувства вызывает высокопоставленный чиновник, если он начинает рулить поэтическим конкурсом или премией? Расстраиваться или негодовать не следует. «В крайнем случае — он может быть допущен как почетный член, попечитель, свадебный генерал, “молчаливая галлюцинация”...» (с. 462).

Не разделяю я напряженного отношения к «филологизирующим» критикам (с. 234). Филологию Е. Абдуллаев считает любовью-почтением к мертвому слову, поэзию — любовью-страстью, любовью-ревностью к живому (с. 27, 451). Качество слова определяется не принадлежностью к филологии или к поэзии. Было бы странно писать нечто оправдательное в отношении филологии, которая не требует оправданий, несмотря на нападки критиков. Успех самого Е. Абдуллаева обеспечен тем, что у его критики и филологические, и философские основания. Другое дело, что, выходя на критическую страницу, филолог должен оправдать свое появление владением и этим жанром.

Людмила ЕГОРОВА

Вологодский государственный университет